
Алёна Жукова

Числа

Рассказ

Обратный отсчет отпущенного нам времени начинается в момент рождения, а жизнь умещается в прочерк между начальной и конечной комбинацией цифр на могильной плите. Кому-то выпадает прочерк длиной в десятилетия, для кого-то он измеряется часами и минутами. Первое число определяет второе, но знать финальную комбинацию цифр не хочется. Ребенок, надувая щеки и гордо выпячивая живот, разгибает пальцы: один, два, три... Так бы и жить, не выходя из детского безвременья, но придуманные людьми знаки для зарубок на времени, именуемые числами, острыми крючками вонзаются в мозг. Есть на земле люди, которые слышат их стройную гармонию. Я знаю такого человека — это не специалист по нумерологии, не астролог и не предсказатель, это молодая женщина. Загадочную музыку чисел она услышала в детстве. Стараясь постичь ее модуляции, зашла так далеко, что могла... Нет, давайте расскажу все по порядку.

В жизни маленькой Анюты все было, как у большинства детей из хороших семей: папа, мама, бабушки, дедушки с обеих сторон, престижная школа, уроки музыки, спортивные секции, танцевальный класс. Она не ленилась, прилежно училась и росла без особых проблем вроде хронических болезней, плохого аппетита или капризного характера. Единственная странность, досаждавшая родителям, проявлялась в желании забраться куда-нибудь повыше — дерево, забор ли, крыша гаража — все равно, а потом спрыгнуть оттуда, расставив руки, как крылья. Во снах она часто летала, а торчащие в разные стороны непослушные кудряшки напоминали перья взъерошенного воробья.

Ее жизнь изменилась в восьмой день рождения. В гости пришли соседские дети, парочка одноклассников и мама сестры Ирина с племянниками. Анюта ерзала на стуле, сидя за праздничным столом в шифоновом платье, которое согласилась надеть по настоянию мамы только потому, что это подарок тети Иры. Кусачий кружевной воротник впивался в шею, не давая вертеть головой, а пышная юбка все время задиралась, но это было все равно лучше того костюма, который купили незадолго до дня рождения. Мама называла костюм «выходным». Выходить в плиссированной юбке и жакете «вкусного кремового цвета», как говорила бабушка, полагалось к роялю во время экзаменов в музыкальной школе. Аня возненавидела его всей душой. Ее заставляли застегивать жакет на все пуговицы, а юбочку аккуратно разглаживать, когда садишься. Отыграв в нем экзамен за третий класс музыкальной школы, получила от мамы нагоняй, что вытирала мокрые от страха ладони о подол, нарушив похожие на

Жукова Ольга Григорьевна (псевдоним — Алёна Жукова) — прозаик, сценарист, кинокритик. Автор ряда книг, в т.ч. «К чему снились яблоки Марине» (2010), «Дуэт для одиночества» (2011), «Тайный знак» (2016), «Странная женщина» (2017). Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Торонто. Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 7.

лапшу складочки, — они потемнели и разъехались, потеряв тугую трубчатую форму. Пришлось срочно искать, во что бы обрядить именинницу. Виновница торжества в это время наслаждалась свободой, почесывая живот через дырку в сарафане, которая образовалась после неудачного прыжка с дерева, но тут появилась тетя Ира со своим «шифоновым сюрпризом» опять-таки кремового цвета, и Аня загрустила. Тетка вынула из пакета похожее на большой ком сахарной ваты оборчатое платье. Платье понравилось всем, кроме именинницы. Гости причмокивали и покачивали головами, говоря, что теперь девочка похожа на девочку, и даже больше — на куколку. Слово «куколка» Аня возненавидела еще сильнее, чем слово «кремовый».

Когда младшие из гостей, наевшись торта и надувшись ситро, выбежали с именинницей во двор, взрослые выдохнули, раскупорили бутылку шампанского, но тут за окном гроыхнуло, полил дождь и поднялся ветер. Пришлось звать всех назад, благо по телевизору шла «Мэри Поппинс», но дети отказывались заходить. Разинув рты, они смотрели на Анюту, едва удерживавшую в руках большой цветастый зонт. Чуть не взлетев, она прокричала: «Зачем нам телевизор? Сами летать будем, как Поппинс. Айда на гаражи!»

Гаражи были невысокими, где-то на уровне одноэтажного дома, но никто туда не полез. Дети с любопытством наблюдали за Анютой. Она забралась на крышу, распахнула над головой зонтик и прыгнула. В момент прыжка из-за порыва сильного ветра зонтик вывернулся, и, проделав в воздухе кувырок, девочка упала. Она лежала без движения, странно вывернув голову, и была похожа на сломанную куклу в нарядном платье, которую выбросили на дорогу за ненадобностью. Под ней растекалось большое кровавое пятно. Дети с воплями бросились к дому...

Врач «скорой», осматривая девочку, хмурился и приказал немедленно везти в больницу. Диагностировали черепно-мозговую травму средней тяжести. Аня долго не приходила в сознание.

После падения у Анюты осталось чувство, что ее словно выставили за порог дома, а все, кто остались внутри, живут дружно и наблюдают за ее поведением — впустить или не впустить назад. Она бы с радостью вела себя хорошо, но мешал ветер. Даже самый маленький, дурашливый ветерок, теребивший легонько волосы, заставлял Анюту трястись от страха: она задыхалась, потели ладони, путались мысли и слова, а уж при сильных порывах становилось совсем худо — она забивалась в угол комнаты, отказываясь выходить на улицу. Детский психолог пытался понять, что именно пугает Анюту, когда дует ветер. Может, она боится, что он ее унесет далеко, как это случилось с Элли в книге «Волшебник Изумрудного города»? Аня отводила глаза и молчала. Никто бы не понял, если бы она попыталась рассказать, как ветер путает мысли, как нарушает ритм той музыки, которую она услышала после падения. Звуки пульсируют внутри головы и превращаются в цепочки чисел, а не нот. На вопрос доктора, чего бы ей больше всего хотелось, она знала ответ: ей хотелось, чтобы все услышали ту музыку чисел, которую слышит она, но вместо этого упрямо повторяла: «Хочу, чтобы все отстали от меня и оставили в покое».

Последствия травмы оказались тяжелыми. Аня превратилась из веселой, общительной девочки в инвалида. Она теряла равновесие при ходьбе, ее часто донимали головокружения; спорт и танцы пришлось оставить. Прыгать и летать ей тоже расхотелось. Уроки музыки превратились в пытку. Учительница недоумевала, куда делась Анина музыкальность, — ученица играла, как робот.

Родители, включая бабушек и дедушек, бросились лечить девочку, таская по врачам, психологам и всевозможным целителям от китайцев до цыган. Ничего не помогало. Аня все больше уходила в себя, часто пропускала школу, растеряла друзей. Ее не интересовало ничего, что занимает девочек в этом возрасте: ни где встретить принца, ни что надеть, ни как избавиться от прыщей и стать сногшибательно

прекрасной. В зеркало она не смотрелась, а зря. Взъерошенный воробышек по законам волшебной сказки постепенно превращался в дивную птицу.

Ей нравилось, уединившись, слушать музыку и покрывать страницы тетрадей, журналов, книг и даже стены бессмысленными цепочками цифр. Мама, видя дочкины странности, прикладывала ладони к губам, трясла головой и заходила в рыданиях. Папа твердил, что Анну надо отдать в математическую школу, если она жить не может без чисел. Увы, ее успехи в школьном курсе математики не впечатляли. Никакого особого математического дара никто в ней не замечал. Еще хуже было в музыкальной школе — дотянув семилетку, бросила, потому что не захотела играть придуманную кем-то музыку, а свои мелодии никак не рождались в ее голове.

То, что произошло накануне «выпускного», заставило родителей по-настоящему испугаться. Оказалось совершенно невозможным уговорить Аню пойти с одноклассниками на бал. Мама работала в родительском комитете по организации праздника, и ей поручили подготовить материалы для мемориальной доски учителей-ветеранов Великой Отечественной, чтобы дети помнили, кому они обязаны своим счастливым детством. Аня, случайно глянув в мамины списки, посоветовала проверить одно число, утверждая, что дата смерти указана неправильно. Мама проверила — Аня оказалась права. Исправив опечатку, спросила, откуда она это знает, ей что, знакома история жизни этого человека? Аня односложно ответила: «Вижу». «Что значит вижу? — удивилась мама. — А так?» Она прикрыла ладошкой столбики с датами рождения и смерти. Аня покачала головой: «Так не вижу. Мне нужно знать первое число». Мамина ладонь сдвинулась вправо. Аня, не задумываясь, назвала даты смерти. Оторопев, мама подняла глаза на Аню: «А может, ты знаешь, когда и мы умрем?» — и съёжилась. «Конечно знаю, но для живых это число условное. Есть комбинации цифр, которые возникают в разные моменты жизни и могут быть конечными, а могут и не быть. Почему, не могу ответить, думаю над этим, но кому это интересно?» — и, не взглянув на коробку с туфлями и платьем, купленными к выпускному, ушла в свою комнату, плотно затворив дверь.

Суперспособности Ани вызвали неподдельное волнение у поредевшего состава бабушек и дедушек — им особенно не терпелось узнать свое «второе» число. Семейный совет экстренно собрался в полном составе за круглым кухонным столом. Волновал главный вопрос: как она это делает? Высчитывает или ясновидение? Аня наотрез отказалась объяснять, что и как происходит в ее голове, и называть даты смерти всех собравшихся. Попросила никогда ее об этом не спрашивать, забыть эту никчемную, с ее точки зрения, способность, а лучше послушать музыку ее вычисления. Да, именно вычисления, а не сочинения. Собравшиеся поскущели, не добившись желаемого.

Анин опус звучал вполне сносно. Композитору похлопали, вежливо спросили, как называется произведение. Аня, с каменным лицом, лаконично ответила: «Номер один». Бабушка всплакнула. Беда, настигшая семью девять лет назад, не оставляла надежды на счастливую или хотя бы нормальную жизнь для Анян. Она не улыбалась, не смеялась, а плакала только тогда, когда испытывала физическую боль. Кому может понравиться такая девушка, даже если она красавица? Успокаивало их то, что в современном мире многие женщины сознательно выбирают одиночество, и главной для них становится карьера. Аня, несомненно, гений, и ее ждет блестящее карьерное будущее, возможно, даже Нобелевская премия, но вот выйдет ли она замуж? А может, стоит попробовать полечить ее где-нибудь за границей? Их Ирка выскочила замуж в Штаты. Довольная, зовет пожить сестру с семейством, но больше всех Аня ждет, чтобы проконсультировать у американских докторов.

План отъезда в Америку Ане категорически не понравился, она намеревалась поступать в консерваторию на композиторский факультет, не смущаясь, что давно забросила регулярные занятия музыкой и шансы поступить у нее нулевые. Конечно, срезалась на первом же экзамене и, к общей радости семьи, подала документы на экономический. Поступила, отлично училась и блестяще закончила с красным

дипломом, но потом неожиданно устроилась обычным бухгалтером на довольно скучную работу. На недоуменный вопрос — «почему?» — ответила, что знает улочку, которая ведет прямо к офису и не продувается ветром. Она считала это серьезным аргументом, а если кто думал иначе — его проблемы.

Фирма, куда Аня устроилась, работала с крупными инвесторами, давая рекомендации по биржевым сделкам. Анна сразу же понравилась начальству своей безукоризненной аккуратностью в расчетах, обязательностью и работоспособностью. Терпеливо просидев в своем рабочем кубике несколько лет, однажды решилась на смелый поступок. Проанализировав отчеты и планы компании за полугодие, отметила ошибочные шаги руководства и слабость стратегии и дала свой прогноз по ситуации на финансовых рынках, наметив пути выхода из кризиса. Прогноз был настолько неожиданным и неординарным, что казался бредом, но все, что предсказала эта бухгалтерша, получившая в коллективе прозвище Анька-робот, сбылось. Начальство тут же пригласило ее в группу аналитиков, где она встретила Вадима, свою первую любовь. Бурный гормональный всплеск вывел из эмоциональной комы почти тридцатилетнюю девственницу. Она влюбилась. Кроме пресловутой «химии», а в их случае алхимии чисел, для нее абстрактной, а для него материальной, их связала тайна быстрого обогащения и взлета компании. Разгадка тайны лежала на поверхности. Глава консалтинговой компании, сорокатрехлетний Вадим Сергеевич Моргуна, начинал и заканчивал рабочий день рука об руку со своей советчицей Анной, поразительным аналитиком и по совместительству — страстной любовницей. Дома Моргуна ждала новенькая, молоденькая жена, уже третья по счету, а две прежние растили его детей. С момента встречи с Анной Вадим утроил свои капиталы. Теперь с ее помощью он с легкостью отыгрывал на бирже деньги клиентов, щедро делясь с помощницей комиссионными и сладкими пряниками удовольствий, от безудержного секса и сказочных путешествий до царских подарков. Аня расцвела. Теперь она бесстрашно шла навстречу ветру, распахивая перед ним пышущую любовным жаром грудь. Все могло и дальше катиться и катиться, но Анина тележка забуксовала. Вадиму не хотелось терять время и выпускать удачу из рук, поэтому время свиданий неизбежно сокращалось. Он удивлялся, какой рассеянной и невнимательной она становится после секса, хотя должно быть наоборот — эмоции позади, можно как-то собраться, включить голову... Это обижало Аню, ей хотелось нежности, ласки. Все чаще в душу закрадывались сомнения об искренности его чувств. Однажды, просто так, в качестве проверки, намекнула на возможный отъезд в Америку к родной тетке, то ли погостить, то ли остаться... Ответная реакция возлюбленного ошеломила: «Родная, это здорово! Очень правильный выбор для такого спеца, как ты. Будешь в центре событий, в сердце финансовых потоков, слухов, прогнозов! Оттуда сможешь меня консультировать. Мы такого наворотим, например, откроем филиальчик нашей компании. Я буду к тебе наезжать». В его интонации Аня уловила только радость и ни капли сожаления по поводу возможной разлуки.

Анюта, не попрощавшись и до одури нарыдавшись, уехала с намерением не возвращаться.

К моменту прибытия в Новый Свет ей исполнилось тридцать три, и она считала, что жизнь кончилась. Вадим преследовал ее звонками и сообщениями, которые безжалостно ею стирались. Не верила ни одному слову. Их умопомрачительный роман оказался фальшивкой. Слово «любовь» стало в один ряд с «кремовым» и «куколкой» и вызывало еще большую тошноту.

Америка приняла Анну вежливой отстраненностью большого мира и душной опекой тетки Ирины. Несмотря на Анины протесты, Ирина потащила ее к врачу. После анализов и проверок врач не нашел ничего, что могло бы напоминать о травме, перенесенной в детстве. Посоветовал побольше положительных эмоций и спорта. Узнав, что Аня собирается всерьез возобновить занятия музыкой, поддержал ее решение.

Обследования никак не успокоили Ирину, она настаивала, чтобы племянница жила по соседству и просила «быть на виду» — всегда отвечать на звонки и почаще заходить в гости.

Главным Аниным открытием Америки стало возвращение юности. «Тридцать три» на этой части планеты считалось только началом взрослой жизни, а для некоторых так и оставалось возрастом поиска себя. Пришлось опять учиться — сначала языку, потом специфике местной экономики, слушать лекции, сдавать зачеты и экзамены. Внутренние часы вернули ее на десять лет назад. Студенческая жизнь оказалась разнообразной, допускалось совмещать обучение точным наукам с искусством. Не дававшая покоя идея поступления в консерваторию подтолкнула Аню взять тут же, в Университете, курс теории музыки и композиции.

Музыкальный класс вел вечно полусонный, меланхоличный профессор Вацлав Ягдзинский. Студенты «выпадали в осадок» в концентрированном растворе его депрессивных лекций о всеобщей мерзости бытия и музыки в том числе. Практические занятия шли под негласным тэгом «не буди Вацлава», никто не хотел нарваться на обидную критику. Все вокруг знали причину его мизантропии: жестокие мигрени, с которыми не справлялась медицина. И несмотря на тяжелый характер профессора, ни один студент не пожелал бы его ухода. Вацлав Ягдзинский считался признанной знаменитостью, о нем спорили модные критики, его имя и произведения вошли в энциклопедию современной музыки. К тому же Вацлав был щедр на высокие оценки и терпелив к прогульщикам. Студенты его обожали. Ане он тоже сразу понравился, но лучше бы она не открывала энциклопедию, в которой значилась дата его рождения... Нет, не может быть! Смерть должна была наступить послезавтра! Но как не дать этому случиться?

Конечно, если он каким-то образом проскочит энергетическую воронку финального числа, то останется жить хотя бы до следующего опасного сочетания цифр. Но только вторжение извне может нарушить внутреннюю гармонию чисел, управляющих жизнью и смертью. Как в музыке — с помощью нужной ноты композитор может превратить аккорд из диссонанса в консонанс, или наоборот. Ей надо попытаться вложить в мелодию цифровой код, способный гармонизировать внутренние и внешние силы. Этот код она без труда вычислит. Осталось сочинить музыку, которая понравится профессору, запомнится и, как вирус, войдет в него, разрушив прежнюю программу и перенастроив на новую. Кстати, есть прекрасный шанс воспользоваться заданием Вацлава — написать двухголосный канон на предложенную или собственную тему. Господи, где же ее взять — собственную тему, да еще умудриться встроить код, когда в распоряжении только числа хроматической гаммы? Эти числа она слышит. Не только слышит, но и чувствует, какой у них цвет и запах. Не зря ведь все это...

Музыка, которую Аня записала после нескольких часов тяжелой работы, звучала необычно. Основная минорная тема была лишена драматизма и повторялась многократно в обоих голосах, буквально застревающая в памяти.

Практические занятия шли, как обычно, уныло. Вацлав приглашал студентов к инструменту по их желанию. Никакой обязательности. Хочешь — играй, не хочешь — не играй, просто сдай нотную запись. По всему было видно, что сегодня ему особенно плохо. Он с тоской смотрел в окно. Там порывы выпущенного на свободу весеннего ветра бились в стекла, заставляя их мелко дрожать. Вацлав вздрагивал, рассеянно улыбался, втягивая голову в плечи. Аня наблюдала за ним с пониманием — ее тоже раздражал, хотя уже давно не пугал, разгулявшийся ветер. Урок шел к концу, а она все не решалась выйти и сыграть свой канон, словно все могли услышать его секрет. Потели руки, дрожали пальцы. Когда подошла ее очередь, она на деревянных ногах подошла к роялю и в полуобмороке начала...

Очнувшись, когда Вацлав, буквально дыша в затылок, склонился над клавиатурой, напевая основной мотив. Аня сняла руки, удивленно покосилась на него, обвела взглядом изумленный класс. Вацлав не просто проснулся — он встал!

— Мисс Анна, откуда этот мотив? — спросил профессор, вскинув бровь. — Ничего подобно не припомню.

— Это мой, — проямлила Аня. — И конструкция моя.

Вацлав хрипло закричал, что, видимо, означало приступ смеха:

— А ведь точно! Действительно, правильное слово — конструкция. Это не музыка, конечно, но как здорово! Как логично, точно, оригинально! Каждый интервал выверен, дивный контрапункт и ритм. Знаете, мисс Анна, у меня даже перестала болеть голова, настолько я увлекся, разгадывая ваш полифонический ребус. Пришлите, пожалуйста, нотную запись на мою электронную почту.

Вернувшись домой, Аня увидела в компьютере несколько сообщений от профессора. Он закидывал ее комментариями, указывая на сильные и слабые места композиции, а под конец попросил прийти завтра на занятие на полчаса раньше, чтобы кое-что обсудить. Ко всему сказанному добавил, что давно не был в таком хорошем расположении духа. Она очень хотела, чтобы он не отвлекался сегодня ни на какую другую мелодию, но попросить об этом было бы хамством. Аня просто сложила пальцы крестиком, чтобы для профессора наступило завтра.

Ответив на дежурную эсэмэску тетки успокоительным «Все ОК», упала в кровать. Сон, пришедший в эту ночь, был красивым и горьким одновременно. Они стояли с Вадимом на вершине холма, заросшего цветами. Он шептал слова любви, обнимал и целовал в шею. Вдруг оступился и кубарем скатился с холма в глубокий овраг. Она хотела броситься на помощь, но не могла сдвинуться с места — вокруг ее ног, словно змеи, закручивались плющи и выюнки, переплетаясь цепкими усами. Проснувшись в слезах. Ей остро захотелось услышать Вадима. Между ними лежала пропасть в тысячи километров и бездна непонимания; восемь часов разницы во времени и бесконечность упущенных часов и минут. Часы уже показывали утро, хотя еще не рассвело, но на той части планеты, с которой Аню теперь связывали только фантомные боли отмирающей любви, давно светило солнце. Ей не спалось. Она встала, сварила кофе и села у ноутбука. Открыв на фэйсбуке страничку Вадима, заметила, что на недавних фотографиях презентаций, поездок, банкетов он выглядит веселым, даже игривым. Часто рядом с ним его молоденькая, модно одетая жена с огромным пузом. Конечно, нигде нет Ани, даже на тех групповых фотографиях со всяческих празднований компании, где она точно была. То есть он выбирал и ставил те, куда она не попала. Обида накрыла Аню, но желание услышать Вадима не проходило. Она позвонила.

Вадим ответил не сразу, но тут же обрушил на нее поток требовательных «почему»: почему уехала не предупредив, почему не отвечает на звонки, почему ведет себя по-идиотски? При этом он не давал ей вставить слова, расписывая как скучал, как измучился и... О боже! Лучше бы он этого не говорил! Но, увы, оно прозвучало: «Анюттик, девочка моя дорогая, палочка-выручалочка, без тебя как без рук! Помоги! Я в полной заднице...»

Аня отшвырнула телефон и заорала: «Ненавижу!»

До занятий была еще уйма времени, но усидеть дома она не могла. Вылетев из парадного, поскакала вприпрыжку по мокрому асфальту, засыпанному листовым крошечкам вчерашней бури. Ей хотелось взлететь. Как давно этого не случилось! Разлитое в лужах солнце жгло пятки. Кто сказал, что энергия мести дурная? Может быть... Но какая мощная! В ее голове уже созрел план наказания бывшего любовника.

Как и было условлено, она пришла в аудиторию за полчаса до занятий. Вацлав не появлялся. Аня с тревогой смотрела на часы, готовясь принять худшее, — сообщение о скоростной смерти профессора.

Аудитория заполнялась, студенты недоуменно переглядывались — такое случилось впервые: обычно Вацлав приходил первым. Прошло десять минут с начала пары, как дверь распахнулась и смущенный, но веселый профессор появился перед студентами

и прокричал: «Я проспал, ребята! Какой это кайф!» Студенты устроили ему овацию. Аня не выдержала и расплакалась от счастья. Никто вокруг даже не мог представить, от какого. Она вчера отыграла профессора у смерти. Как это произошло, она не узнает. Профессор вряд ли расскажет, что весь вечер только и делал, что слушал ее канон. Потом лег спать и проспал без боли всю ночь, а наутро встал намного позже чем обычно, с абсолютно свежей и здоровой головой. Кто мог бы догадаться, что сосуд в голове, готовый лопнуть этой ночью и залить кровью весь мозг, успокоится и вернется в нормальное состояние. Но даже не зная всего этого, Аня, увидев профессора живым, поняла — ее идея работает! А если работает в одну сторону, то сработает и в обратную. И это значит, что Вадиму недолго осталось: он будет получать от нее голосовые сообщения с подсказками по финансовым операциям, а фоном в них будет звучать музыка со встроенным кодом, уменьшающим интервал между датой рождения и смерти. Его жадность приведет к тому, что интервал будет сокращаться очень быстро...

Возвращаясь после лекций, она даже не заметила, как стемнело. Темнота внутри была гораздо гуще. Город, набрякший затяжными дождями, рыдал, всхлипывая каждой водосточной трубой. Сильный порыв ветра сбил ее с ног, она упала. Ударилась не больно, но показалось, что слетела с той злосчастной крыши и все вернулось: страх ветра, обморочное состояние, дикая карусель в голове... Аня побежала, не разбирая дороги, что-то крича и размахивая руками. Чуть не угодила под машину, ей зло вдогонку просигналили, а у самого подъезда дома сходу врезалась в соседа, выгуливающего собаку. Пес прыгнул в ее сторону, заливаясь лаем. Хозяин собаки, спортивного вида молодой мужчина, подхватил теряющую сознание Аню и, стараясь перекрыть ее вопли: «Ветер, уберите! Помогите!», предложил вызвать «скорую», не понимая, что ее так напугало. Все это крепко напоминало наркотический перебор. Аня только и сумела выдавить сквозь стиснутые зубы на английском: «пани... паник атак» и тут же ненадолго потеряла сознание. Собака взвизгнула. Мужчина, поразившись красоте, которая упала ему в руки, легонько подул в лицо девушки, неуверенно похлопал ее по щекам. Она открыла блестящие от слез глаза и вцепилась в его куртку, умоляя: «Пожалуйста, не оставляйте меня одну». Он утешал ее как мог, сидя рядом на корточках, а его собака бросилась облизывать Аню.

— Толик, назад, — скомандовал хозяин на чистом русском.

Аня опешила.

— Вы русский?

Он ответил утвердительно, но почему-то на английском.

— Никогда бы не подумала, — честно призналась Аня.

Лицо молодого мужчины было почти неразличимо в темноте.

— Из-за цвета кожи? — усмехнулся сосед. — У меня мама русская, а отец марокканец. Они в России встретились, но там же и расстались. Я, кстати, тоже бы не подумал, что вы не местная. Очень уж у вас американский стиль.

— Это как? — заинтересовалась Аня.

— Ну, как сказать, за версту видно: «Мне до вас никакого дела нет и оставьте меня в покое, пожалуйста». А на лице ноль эмоций.

Аня вздохнула: «Есть такое».

Сосед внимательно посмотрел на нее:

— Ну, а сейчас как вы себя чувствуете? Вы окей? Такое часто с вами случается?

— Давно прошло, но я понимаю, почему вернулось. Вас как зовут? Меня Аня, если что...

— Теодором, а по-нашему Фёдор, можно Федя. Знаете, Аня, что удивительно: мы столько раз, гуляя с Толиком, замечали вечно куда-то спешащую, неприветливую девушку, и вот только сейчас по-настоящему разглядели. Теперь Толик не может глаз оторвать. Хозяин с ним заодно. А почему мы тут стоим, мокнем? Разве мы не живем в одном доме? Вы на каком этаже?

— На пятом.

— А я на седьмом. Давайте, я вас провожу. Моя квартира 703-я, если вдруг понадобится какая-то помощь или просто станет скучно. Мы с Толяном, правда, не очень веселая компания. Не так давно остались совсем одни.

Толик лежит у двери и ждет. Как ему объяснишь, что мама уже никогда не вернется. Она его щенком из Москвы привезла, лет десять назад, когда решила к нам переехать.

Аня понимающе кивнула, тяжело вздохнув.

— А кличку «Толик» кто придумал? Смешное и странное для собаки имя.

— Это у мамы в России друг закадычный был Толик, Анатолий... Хороший человек и поэт, но крепко пьющий. В память о нем и назвала.

Они зашли в подъезд, сели в лифт и вышли на одном этаже...

К полуночи Аня, слегка захмелевшая от вина и разговоров, умиротворенная и сонная, вернулась наконец на свой этаж. До поцелуев дело не дошло — она проявила поразительную стойкость, борясь с желанием остаться у Фёдора навсегда, но не факт, что он бы этого захотел. Хотя... Ну вот совершенно точно пару раз смущенно утыкался глазами в пол, когда она перехватывала его восторженный взгляд; всячески пытался обаять, накормить, утешить. Хороший человек Фёдор. Учитель естественных наук в средней школе. В его квартире пахнет кофе и корицей, Толиком тоже немного пахнет, и холостяцким бытом, но именно там хочется остаться, натянуть вечерком пижаму, забраться на диван с ногами и жевать чипсы, а потом включить сериал, но начав целоваться и так его и не досмотрев, оказаться вдвоем в постели. Он так трогательно читал стихи Толика, посвященные маме. Дал его книжку. Одно стихотворение ей особенно понравилось, про двухместный островок, коротенькое такое. Читая, Федя все время на нее поглядывал. Где оно? А вот...

Не было причин для этого, знаков не было судьбы.
Просто в море одиночества появилась остров «Ты».
Ходят рядом люди умные, но не видно никому,
Что теперь живу на острове и вернуться не могу.
Бьются волны бед и радостей и шумит людской поток,
И спасает от безумия наш двухместный островок.

Ей бы сейчас с Фёдором в самый раз на такой остров, а то ведь совсем с ума сошла — хотела укоротить жизнь Вадиму! Ужас и стыд! Зачем? Он сам укоротит, когда начнет терять деньги.

В эту ночь Аня заснула с улыбкой. За окном опять бушевала весенняя буря, но этого она не заметила, а утром, выйдя из дому, повстречалась с Фёдором и Толиком. Они делали вид, что оказались здесь и сейчас совершенно случайно. Оба сильно промокли, хотя дождь закончился час назад. Фёдор вежливо поздоровался, зато Толик не выдержал и бросился к Ане, как к старой знакомой.

— Я совершил преступление, — заговорщически шепнул Федя ей на ухо. — В нашем парке вся сирень побита ветром и дождем. Вот...

Он распахнул куртку, под которой прятал огромную, в полкуста, ветку кудрявой, мокрой от дождя, нежно-лиловой сирени.

— Если кто и заметил, плевать, — добавил он. — У меня есть оправдание: я сорвал ее для тебя.

Аня прижала к себе сирень, окунув в ее влажную свежесть покрасневшее лицо. Задохнувшись счастьем и пряным весенним духом, с трудом перевела дыхание:

— Разве это преступление? Господи, знал бы ты, на что я способна!

Фёдор обнял ее, рассмеявшись:

— Значит, все самое интересное впереди.